

Финно-угорские народы Республики Казахстан: динамика численности, размещение, миграционные процессы

Григорий Леонидович Поносов
Павел Станиславович Дмитриев
Татьяна Николаевна Лысакова

*Северо-Казахстанский университет имени Манаша Козыбаева,
Петропавловск, Казахстан*

Артур Модестович Носонов

*Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва,
Саранск, Россия*

Ян Анджей Вендт

*Гданьский университет,
Гданьск, Польша*

Введение. В статье предпринята попытка анализа динамики численности и особенностей размещения финно-угорских народов на территории Казахстана в конце XX – начале XXI в.

Материалы и методы. В основу исследования легли статистические данные переписей населения СССР и Казахстана за 1970–2009 гг. и литература по проблеме. Исследование выполнено на базе сравнительно-исторического, статистического и системного подходов, которые позволили раскрыть динамику этногеографического развития финно-угорских народов в Казахстане.

Результаты исследования и их обсуждение. На территории Республики Казахстан в настоящее время проживают 13 финно-угорских народов. На основании проведенного анализа данных последних пяти переписей населения было сделано предположение о взаимосвязи численности этносов с численностью народов, сходных по языку и культуре, с политической ситуацией в стране, социальными и культурными условиями. Рассмотрен вопрос о расселении финно-угорских народов по регионам Казахстана.

Заключение. Финно-угорские народы, проживающие на территории Казахстана с конца XIX в., сохраняют связь со своей исторической родиной, культурную и этническую самобытность. После распада Союза Советских Социалистических Республик численность большинства из них начала стремительно уменьшаться из-за активного оттока населения на этническую родину и в другие страны СНГ. Можно прогнозировать дальнейшее сокращение численности финно-угорских народов в республике.

Ключевые слова: география населения, финно-угорские народы, этнос, перепись, население, демография

Для цитирования: Поносов Г. Л., Дмитриев П. С., Лысакова Т. Н., Носонов А. М., Вендт Я. А. Финно-угорские народы Республики Казахстан: динамика численности, размещение, миграционные процессы // Финно-угорский мир. 2021. Т. 13, № 2. С. 158–168. DOI: 10.15507/2076-2577.013.2021.02.158-168.

Введение

В настоящее время одну из важных черт казахстанского общества составляет многонациональность. Данное историческое явление сформировалось под воздействием разнообразных факторов и выступает неотъемлемой частью сложившейся социально-политической ситуации в стране. В эпоху глобализации многонациональное и многоконфессиональное общество оказывает определенное влияние на построение

диалога Казахстана с мировым политическим сообществом [11; 16].

Мировая этнополитическая ситуация и межконфессиональные отношения испытывают большое воздействие со стороны происходящих этнодемографических процессов. На текущий момент на планете Земля проживает несколько тысяч наций и народностей. Также следует отметить тенденцию роста численности на-

селения планеты в целом. По прогнозам ученых, в конце нашего века количество людей на Земле превысит отметку в 12,5 млрд чел. В Казахстане численность населения предположительно будет составлять 50 млн чел.

Из-за своего геополитического расположения Казахстан подвергся сильному воздействию миграционных волн, в основном из России, которые в существенной мере повлияли на этнодемографические процессы в стране¹.

В области национально-демографической политики Советский Союз по сути был преемником Российской империи, и колониальный взгляд Москвы на так называемые отдаленные провинции не изменился. С окончанием Гражданской войны потоки переселенцев хлынули в казахские степи. В 1925 г. их число превысило 17,4 тыс. чел. В 1929 г. в Казахстан прибыли сотни тысяч раскулаченных, что совпало с началом планового переселения людей из западной части Советского Союза.

В 1970-е гг. началась обратная миграция населения европейского происхождения в РСФСР, Украинскую ССР, Белорусскую ССР и прибалтийские республики – его доля в Казахской ССР стала снижаться. Число людей, уехавших из Казахстана, постоянно увеличивалось: в 1970 г. оно составляло 35 тыс., в 1988 г. – 95 тыс. чел. Переход к независимости и рыночной экономике обусловил увеличение миграционной мобильности некоренного населения страны. 1990-е гг. стали временем массовой эмиграции из Казахстана. В 1994 г. количество выехавших достигло 481 тыс. чел., что является своеобразным рекордом массовой эмиграции для государства [7; 19].

После распада Советского Союза представители диаспор Казахстана стали уезжать в Германию, Польшу, страны Прибалтики и др.

Значимым политическим событием на постсоветском пространстве стало принятие национальных позиций новыми независимыми государствами. Создавая новое суверенное общество, государства Цен-

тральной Азии взяли на себя ответственность не только за своих граждан, но и за разные этнические сообщества, которые остались на территории страны [9].

В 1991 г. Казахстан провозгласил свою независимость, после чего началось культурное возрождение казахстанского народа, взгляд населения вновь обратился к своим историческим истокам, традициям и т. п. Рубеж XX–XXI вв. ознаменовался для страны интенсивным развитием этнодемографических процессов, общество в этот период переживало смену идентичности. Результатом всех этих изменений стало то, что национальная идентичность начала превалировать в этническом сознании народа [12].

Основными факторами, способствующими сохранению терпимых и дружественных отношений между различными этносами и конфессиями в Казахстане, являются формирование единого общества на основе общих гражданских ценностей [21], постепенное распространение и развитие казахского языка как государственного, позитивное восприятие полиэтнического населения. Мир и согласие, царящие между этносами разных культур, религий и языков [17], оказывают положительное воздействие на международный имидж государства. На современном этапе здесь созданы благоприятные условия для комфортного проживания представителей более 100 этносов [15].

В период становления Республики Казахстан как молодого суверенного государства поиск структуры для развития общества и модернизации государства совместно с утверждающимся акцентом на моральные человеческие ценности актуализировал разработку проблем народонаселения этой страны. Очевидно, что научное знание проблем народонаселения в современном мире не будет полным без подробного анализа этногенеза населения Казахстана, без исторического аспекта своеобразия формирования этнической пестроты на территории Великой Степи [2; 18].

Республика Казахстан может перенять опыт передовых стран с многонациональ-

¹ См.: Этнодемографическая карта Казахстана (этнодемографический аспект). Астана, 2007.

ным населением, что благотворно повлияет на социальное, культурное и экономическое развитие страны, так как соединение культур способно служить своеобразным толчком для подъема различных сфер общества и экономики [13].

Первый президент Республики Казахстан Н. А. Назарбаев неоднократно отмечал значимость процессов, связанных со становлением национальной идентичности в стране, с развитием самосознания всех этносов многонационального Казахстана, с вовлечением всех граждан в построение независимого государства [10].

Обзор литературы

Вопросы этнического состава, численности и размещения, культуры и традиций населения Казахстана с давних времен привлекали внимание исследователей. В XVIII в. М. В. Ломоносов, П. И. Рычков, В. Н. Татищев и другие русские ученые и государственные деятели восприняли, уточнили и продолжили развивать теорию Ф. Страленберга и М. Фогеля о единстве происхождения и родственных связей финно-угорских народов.

В советский период различные аспекты проблемы национальных отношений, в том числе финно-угорских народов Казахстана, освещали в своих работах Л. А. Баграмова, Д. И. Валентей, Я. Н. Гузеватый, Т. И. Заславская, Л. Л. Капица, Б. Ц. Урланис, Б. С. Хорев. Изучением социально-демографических процессов в Казахстане занималась О. М. Маслова, миграционных – В. И. Переведенцев. Г. С. Витковская, Ж. А. Зайончковская, В. А. Ионцев, С. А. Панарин, Л. Л. Рыбаковский рассматривали влияние миграционных процессов на различные структуры общества, в частности социально-демографическую и этническую.

В настоящее время казахстанские ученые Л. А. Байдельдинов, Л. Я. Гуревич, М. С. Садырова, М. М. Тажин анализируют социально-демографические и межэтнические процессы в ходе трансформации социума. Научными исследованиями в области этнодемографических процессов в рамках политического суверенитета Казахстана занимается Р. Б. Абсаттаров.

Материалы и методы

В основу исследования легли статистические данные переписей населения 1970–2009 гг. СССР и Казахстана и литература по данной научной тематике. Исследование выполнено на базе сравнительно-исторического, статистического и системного подходов [20], которые позволили раскрыть динамику этногеографического развития финно-угорских народов Казахстана.

Историческая демография совершила огромные шаги в поисках решения демографических проблем на постсоветском пространстве, тем не менее видится необходимым дальнейшее исследование архивной литературы, представляющей научный интерес в данной предметной области. Такая работа позволит переосмыслить важные исторические этапы существования и распада СССР.

Результаты исследования и их обсуждение

Стабильной гарантией надежности межнациональных отношений в Казахстане является общая мысль о государственной независимости, законности права слова и других гражданских прав и свобод для граждан республики. Это позитивным образом сказывается на процессе этнического самосознания как внутри каждого этноса республики, так и у населения страны в целом.

Меры содействия, принимаемые для развития демографических и этнических процессов, могут привести к результатам только в том случае, когда будут находиться в русле общей политики государства в социально-экономической сфере, что определяет направленность конкретных задач. Обеспечению национальной и социальной безопасности страны будет способствовать анализ этногеографической структуры населения.

Исследования показывают, что одним из важнейших факторов изменения численности и территориального распределения населения Республики Казахстан является миграция. Этническая миграция представляет собой совокупность перемещений людей разных этносов между городами, регионами и странами.

Таблица 1. Динамика численности финно-угорских народов Казахстана, чел.

Table 1. Dynamics of the number of Finno-Ugric peoples of Kazakhstan, peoples

Население/ Population	1970 г.	1979 г.	1989 г.	1999 г.	2009 г.
Всего / Total	13 026 274	14 709 508	16 222 324	14 981 281	16 009 597
В том числе: / Including:					
Венгры / Hungarians	832	595	674	440	357
Вепсы / Vepsians	27	33	44	30	1
Ижорцы / Izhorians	3	19	5	15	1
Карелы / Karelians	688	639	742	411	518
Коми / Komi	1 538	1 345	1 237	387	15
Коми-пермяки / Komi-Perm	1 556	1 777	1 562	935	561
Ливы / Livy	0	0	7	3	49
Манси / Mansi	14	36	37	8	32
Марийцы / Mari	9 089	10 589	11 912	6 495	4 416
Мордва / Mordovians	34 315	31 403	29 157	16 145	8 013
Саамы / Sami	2	13	14	2	0
Удмурты / Udmurts	15 786	15 460	15 520	9 095	5 824
Финны / Finns	1 259	1 074	987	547	373
Ханты / Khanty	35	49	53	24	429
Эстонцы / Estonians	4 083	3 505	3329	1 819	986

Расселение народов финно-угорской языковой группы по территории Казахстана взаимосвязано со многими факторами, такими как миграционные процессы, ассимиляция мелких этносов более крупными [14]. Первые переселенцы – представители финно-угорских этносов появились здесь в XIX в. в результате возникновения казачьих станиц, крестьянских деревень, миграций. По данным последней переписи населения 2009 г., в республике было зафиксировано 125 этнических групп финно-угров, объединявших представителей 14 народностей (табл. 1).

В целом с 1970 по 2009 г. численность финно-угорских народов в Казахстане постоянно сокращалась и соответственно

уменьшалась их процентная доля среди всего населения страны [4]. Наибольшее число финно-угров приходится на 1970 г., – 69 227 чел., или 0,53 % от общей численности населения, наименьшее зафиксировано в 2009 г. – 21 575 чел., или 0,13 %.

С 1989 по 1999 г. численность населения финно-угорских народов уменьшилась практически в два раза, или на 28 908 чел., в связи с распадом Советского Союза и последующим оттоком населения европейского происхождения [1; 5].

Тенденция сокращения численности, особенно после распада Советского Союза и провозглашения независимости Казахстана, прослеживается у большинства финно-угорских народов (табл. 2).

Таблица 2. Изменение численности финно-угорских народов Казахстана, % к 1970 г.

Table 2. Change in the number of Finno-Ugric peoples of Kazakhstan, % by 1970

Народ / Ethnic group	1970 г.	1979 г.	1989 г.	1999 г.	2009 г.
Венгры / Hungarians	100	71,5	81,0	52,9	42,9
Вепсы / Vepsians	100	122,2	163,0	111,1	3,7
Ижорцы / Izhorians	100	633,3	166,7	500,0	33,3
Карелы / Karelians	100	92,8	107,8	59,7	75,3
Коми / Komi	100	87,5	80,4	25,2	0,1
Коми-пермяки / Komi-Perm	100	114,2	100,4	60,1	36,1
Ливы / Livy	–	–	700,0	300,0	4900,0
Манси / Mansi	100	257,1	264,3	57,1	228,6
Марийцы / Mari	100	116,5	131,1	71,4	48,6
Мордва / Mordovians	100	91,5	85,0	47,0	23,4
Саамы / Sami	100	650,0	700,0	100,0	–
Удмурты / Udmurts	100	97,9	98,3	57,6	36,9
Финны / Finns	100	85,3	78,4	43,4	29,6
Ханты / Khanty	100	140,0	151,4	68,6	122,6
Эстонцы / Estonians	100	85,9	81,5	44,6	24,1

Таблица 3. Динамика численности городского населения
финно-угорских народов в Казахстане, чел.

Table 3. Urban population of the Finno-Ugric peoples in Kazakhstan, peoples

Городское население / Urban population	1970 г.	1979 г.	1989 г.	1999 г.	2009 г.
Всего / Total	6 636 116	7 980 457	9 269 000	8 455 783	8 662 432
В том числе: / Including:					
Венгры / Hungarians	502	382	413	271	203
Вепсы / Vepsians	15	20	32	25	1
Ижорцы / Izhorians	3	7	4	15	1
Карелы / Karelians	407	400	544	294	247
Коми / Komi	1 017	772	892	254	9
Коми-пермяки / Komi-Perm	604	805	767	456	251
Ливы / Livy	–	–	6	3	41
Манси / Mansi	7	28	23	5	14
Марийцы / Mari	4 789	5 163	6 096	3 372	2 135
Мордва / Mordovians	20 635	20 149	20 086	10 903	4 835
Саамы / Sami	2	11	9	1	
Удмурты / Udmurts	6 139	7 226	7 920	4 499	2 454
Финны / Finns	873	814	7 06	441	293
Ханты / Khanty	24	29	38	16	218
Эстонцы / Estonians	2 729	2 458	2 321	1 356	674

По результатам переписей населения на территории Республики Казахстан (относительно 1970 г.) в процентном измерении за рассматриваемый промежуток времени среди венгерского народа были зафиксированы следующие показатели уменьшения населения 1979 г. – 71,5; 1989 – 81,0; 1999 – 52,9; 2009 – 42,9.

Пик численности вепсов пришелся на 1989 г. (показатель прироста – 163,0 %), ижорцев – на 1979 г. (633,3 %). Наиболее крупное сокращение было отмечено у коми – 0,1 % в 2009 г.

В период с 1970 по 1979 г. ливы на территории Казахской ССР не проживали. Пик их численности зафиксирован в 2009 г. – 4 900,0 % (т. е. 49 чел.). У наиболее многочисленных финно-угорских народов Казахстана мордвы и удмуртов наивысшая численность отмечена в 1970 г., у марийцев – в последнюю перепись перед распадом СССР в 1989 г. Наименьшие показатели численности населения у финнов и эстонцев были в последнюю перепись в Казахстане в 2009 г. – 29,6 и 24,1 % соответственно.

Существуют определенные пространственные закономерности размещения городского и сельского населения финно-угорских народов Казахстана (табл. 3). В 1970 г. наибольшие показатели численности городских жителей зафиксированы у

мордвы (20 635 чел.), затем идут удмурты (6 139) и марийцы (4 789 чел.), меньше всего было саамов (2 чел.).

1979 г. знаменовался возрастанием численности населения вообще и городского в частности, но соответствующий показатель вырос не у всех финно-угорских народов. Например, у мордвы, по-прежнему занимающей первую строчку по числу горожан, по сравнению с 1970 г. он уменьшился на 486 чел. Вторыми по числу городских жителей вновь оказались удмурты (рост на 694 чел.), третьими – марийцы (рост на 933 чел.). Самый низкий показатель среди финно-угорских этносов отмечен у ижорцев – 7 чел., незначительно выше он был у саамов – 11 чел.

Через 10 лет, в 1989 г., численность городского населения увеличилась до 9 269 тыс. чел., что является рекордным значением для переписей населения Казахстана времен Советского Союза. В то же время количество городской мордвы снова уменьшилась (на 63 чел.). Число проживающих в городах удмуртов и марийцев увеличилось соответственно на 694 и 933 чел. Численность ижорцев-горожан сократилась практически вдвое: с 7 до 4 чел. В 1989 г. впервые на территории Казахстана были зафиксированы ливы – 7 чел., из которых 6 проживали в городах.

Таблица 4. Динамика численности сельского населения
финно-угорских народов в Казахстане, чел.

Table 4. Rural population of the Finno-Ugric peoples in Kazakhstan, peoples

Сельское население / Rural population	1970 г.	1979 г.	1989 г.	1999 г.	2009 г.
Всего / Total	6 390 158	6 729 051	6 963 324	6 525 498	7 347 165
В том числе: / Including:					
Венгры / Hungarians	330	213	261	169	154
Вепсы / Vepsians	12	13	12	5	0
Ижорцы / Izhorians	0	12	1	0	0
Карелы / Karelians	281	239	198	117	271
Коми / Komi	521	573	345	133	6
Коми-пермяки / Komi-Perm	952	972	795	479	310
Ливы / Livy	0	0	1	0	8
Манси / Mansi	7	8	14	3	18
Марийцы / Mari	4 300	5 426	5 816	3 123	2 281
Мордва / Mordovians	13 679	11 255	9 071	5 242	3 178
Саамы / Sami	0	2	5	1	0
Удмурты / Udmurts	9 647	8 234	7 600	4 596	3 370
Финны / Finns	386	260	281	106	80
Ханты / Khanty	11	20	15	8	211
Эстонцы / Estonians	1 354	1 047	1 008	463	312

В связи с распадом Советского Союза и оттоком населения из республики общая численность населения и численность финно-угорских этносов на территории Казахстана уменьшились. Сократилось и количество финно-угров, проживающих в городах. Например, у мордвы за 1989–1999 гг. сокращение составило практически 2 раза, у коми – превысило 3 раза. Численность саамов сократилась с 9 до 1 чел. По численности сельского населения среди финно-угорских этносов в 1970 г. лидировали следующие народы: мордва, удмурты, марийцы (табл. 4). В 1979 г. на фоне общего роста численности населения в Казахстане у некоторых финно-угорских народов количество представителей, проживающих в сельской местности, сократилось. Так, у мордвы показатель уменьшился на 2 424 чел., у удмуртов – на 1 413 чел. Третьи по численности марийцы продемонстрировали рост на 1 126 чел. Эти тенденции сохранились и в последующее десятилетие с дальнейшим сокращением численности всех трех народов.

Наглядным образом демографическую динамику финно-угров представим на примере пермских народов (табл. 5). Количество проживающих в Казахстане представителей пермских финно-угорских народов за рассматриваемый период сократилось в 3 раза: с 18 880 до 6 400 чел. Пик их численности пришелся на 1970–1979 гг., что предположительно является следствием организованных наборов рабочих и трудовой миграции в период освоения залежных и целинных земель. Наиболее массовый отток зафиксирован в начале 1990-х гг., что связано с распадом Советского Союза. Численность коми с 1989 по 1999 г. уменьшилась в 3 раза (на 850 чел.), а с 1999 по 2009 г. – в 26 раз. Вероятнее всего, данная тенденция связана с массовой иммиграцией коми в Российскую Федерацию. Пик численности коми-пермяков пришелся на 1979 г., когда она увеличилась на 221 чел. (на 14,2 %) по сравнению с 1970 г. Последующие переписи населе-

Таблица 5. Динамика численности пермских финно-угорских народов Казахстана, чел.

Table 5. The number of Perm Finno-Ugric peoples of Kazakhstan, peoples

Народ / Ethnic group	1970 г.	1979 г.	1989 г.	1999 г.	2009 г.
Коми / Komi	1 538	1 345	1 237	387	15
Коми-пермяки / Komi-Perm	1 556	1 777	1 562	935	561
Удмурты / Udmurts	15 786	15 460	15 520	9 095	5 824

Таблица 6. Расселение удмуртов по регионам Республики Казахстан в 2009 г.

Table 6. The share of Udmurts by regions in the Republic of Kazakhstan in 2009

Регион / Region	Численность населения, чел. / Population, peoples	Численность удмуртов, чел. / Population of Udmurts, peoples	Доля удмуртов в населении региона, % / The share of Udmurts in the population of the region, %
Акмолинская обл. / Akmola region	737 495	1 162	0,16
Актюбинская обл. / Aktobe region	757 768	111	0,01
Алматинская обл. / Almaty region	1 807 894	120	—
г. Алматы / Almaty	1 365 632	104	—
г. Астана (Нур-Султан) / Astana (Nur-Sultan)	613 006	190	0,03
Атырауская обл. / Atyrau region	510 377	38	—
Восточно-Казахстанская обл. / East Kazakhstan region	1 396 593	119	—
Жамбылская обл. / Zhambyl region	1 022 129	56	—
Западно-Казахстанская обл. / West Kazakhstan region	598 880	249	0,04
Карагандинская обл. / Karaganda region	1 341 700	780	0,06
Костанайская обл. / Kostanay region	885 570	1 559	0,18
Кызылординская обл. / Kyzylorda region	678 794	29	—
Мангистауская обл. / Mangystau region	485 392	47	—
Павлодарская обл. / Pavlodar region	742 475	631	0,08
Северо-Казахстанская обл. / North Kazakhstan region	596 535	583	0,10
Южно-Казахстанская (Туркестанская) обл. / South Kazakhstan (Turkestan) region	2 469 357	46	—

ния выявили сокращение этого показателя, причем его темпы ускорились после распада СССР [8; 22].

Удмурты с давних пор проживают на территории Казахстана. Одно из первых упоминаний об этом финно-угорском народе отмечено в результатах переписи населения на территории Российской империи в 1897 г. [6].

Численность удмуртов в Казахстане в 1970–1989 гг. превышала 15 тыс. чел. За последующие 10 лет она сократилась практически вдвое (на 41,0 %) в связи с распадом СССР и возвращением мигрантов на этническую родину и в другие районы Российской Федерации. Наименьшее количество удмуртов зафиксировано в 2009 г. – 5 824 чел., что на 36,0 % меньше, чем в 1999 г., и на 63,1 % меньше в сравнении с пиком численности в 1970 г.

Расселение финно-угров по территории Республики Казахстан рассмотрим на примере удмуртов (табл. 6).

По численности удмуртского населения с большим отрывом лидируют Ко-

станайская и Акмолинская области с количеством представителей этноса, превышающим 1 тыс. чел. Третье – пятое места удерживают Карагандинская, Павлодарская и Северо-Казахстанская области с несколькими сотнями [3; 5]. Наименьшее число удмуртов зафиксировано в южном и юго-западном Казахстане: Жамбылской, Мангистауской, Южно-Казахстанской (Туркестанской), Атырауской, Кызылординской областях, где оно колеблется от 29 до 56 чел.

В процентном соотношении также лидируют Костанайская и Акмолинская области – доля проживающих здесь представителей этноса составляет 46,72 % от общего числа удмуртов в Казахстане. В г. Алматы, Алматинской, Южно-Казахстанской (Туркестанской), Мангистауской, Атырауской, Жамбылской, Восточно-Казахстанской, Кызылординской областях доля удмуртов в населении региона не превышает 0,01 %. Данные показатели отражают основные очаги расселения финно-угорских этносов по областям

Республики Казахстан: наибольшие показатели численности удмуртов характерны для северного и центрального регионов страны.

Заключение

Финно-угорские народы, проживающие на территории Казахстана с конца XIX в., сохраняют связь с исторической родиной, культурную и этническую самобытность. После распада Советского Союза численность большинства финно-угорских народов начала стремительно уменьшаться в связи с активным оттоком населения на этническую родину и в другие страны СНГ.

В последние годы в Казахстане возрастает численность тюркских народов, традиционно исповедующих ислам, и наоборот, сокращается численность народов европейского происхождения. Соответственно можно предположить дальнейшее уменьшение численности народов финно-угорской группы в республике.

На основании изложенного материала можно сделать вывод о необходимости дальнейшего изучения финно-угорских народов в Казахстане, а также более подробного рассмотрения вопросов, связанных с возрождением их культуры и духовности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Владыкин В. Е. Удмурты: ист.-этногр. очерк. Ижевск: Удмуртия, 2008. 248 с.
2. Кошман Т. В. Удмурты в Казахстане // Религия: сб. ст. и материалов Междунар. науч. конф. Ижевск, 2011. С. 41–44.
3. Кошман Т. В. Финно-угорские народы в Казахстане: по материалам национальной переписи населения 2009 года // Финно-угорский мир. 2013. № 2. С. 34.
4. Логинова Н. Н., Носонов А. М., Есетов С. К. Динамика численности финно-угорских народов Казахстана // Финно-угорский мир. 2014. № 1. С. 107–114.
5. Логинова Н. Н., Носонов А. М., Шурп А. В. Плотность и размещение мордовского этноса по областям Республики Казахстан во второй половине XX – начале XXI в. // Финно-угорский мир. 2015. № 2. С. 67–69.
6. Немечкин В. Н. Финно-угорская общественная дипломатия: теоретико-правовые и практические аспекты // Финно-угорский мир. 2017. № 3. С. 67–68.
7. Садовская Е. Казахстан в центрально-азиатской миграционной подсистеме // Постсоветские трансформации: отражение в миграциях. М.: АдамантЪ, 2009. С. 279–321.
8. Barcus H., Werner C. Immobility and the re-imaginings of ethnic identity among Mongolian Kazakhs in the 21st century // Europe-Asia Studies. 2015. Vol. 69, no. 10. P. 1565–1570. DOI: 10.1016/j.geoforum.2014.12.007.
9. Bonnenfant I. K. Constructing the Homeland Kazakhstan s Discourse and Policies surrounding its Ethnic Return-Migration Policy // Central Asian Survey. 2012. Vol. 31, no. 1. P. 31–44. DOI: <https://doi.org/10.1080/02634937.2012.650004>.
10. Bonnenfant I. K. Ethnic Return Migration and Public Debate: The Case of Kazakhstan // International Migration. 2014. Vol. 52, no. 2. P. 178–197. DOI: <https://doi.org/10.1111/imig.12055>.
11. Cummings S. N. The Kazakhs: Demographics, Diasporas, and Return // Nations Abroad: Diasporic Politics and International Relations in the Former Soviet Union / ed. C. King, N. J. Melvin. Colorado, Oxford, 2006. P. 133–152. URL: <https://www.taylorfrancis.com/chapters/edit/10.4324/9780429498732-6/kazakhs-demographics-diasporas-return-sally-cummings> (accessed 04.03.2021).

12. Damidov I. Reassessing classification of Kazakhstan's ethnic management model: A comparative approach // *Journal of Eurasian Studies*. 2020. 11(2). P. 133–143. DOI: <https://doi.org/10.1177%2F1879366520925337>.
13. Dave B. Entitlement through Numbers: Nationality and Language Categories in the First Post-Soviet Census of Kazakhstan // *Nations and Nationalism*. 2004. Vol. 10, no. 4. P. 439–459. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1354-5078.2004.00176.x>.
14. Davenel Y. M., Yim E. Minority assimilation and nation-building in Kazakhstan // Isaacs R., Polese A., eds. *Nation-building and identity in the post-Soviet space: new tools and approaches*. London; New York, 2016. P. 65–83.
15. Diener A. Multi-Scalar Territorialization in Kazakhstan's Northern Borderland // *Geographical Review*. 2020. Vol. 34, no. 2. P. 201–235. DOI: <https://doi.org/10.1080/00167428.2020.1814676>.
16. Fierman W. Language and identity in Kazakhstan: Formulations in policy documents 1987–1997 // *Communist and Post-communist Studies*. 1998. Vol. 31, no. 2. P. 171–186. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0967-067X\(98\)00005-1](https://doi.org/10.1016/S0967-067X(98)00005-1).
17. Lee C. Languages and Ethnic Politics in Central Asia: The Case of Kazakhstan // *Journal of International and Area Studies*. 2004. Vol. 11, no. 1. P. 101–116. URL: <http://www.jstor.org/stable/43107089> (accessed 04.03.2021).
18. Mikołajec J., Wendt J. A. Geograficzna sukcesja religii wielkiego stepu // *Nurt SVD*. 2017. T. 51, no. 2. S. 388–402.
19. Nowicka E. Kazakh Homecomings: Between Politics, Culture and Identity // *Central and Eastern European Migration Review*. 2020. Vol. 9, no. 2. P. 109–123. DOI: [10.17467/ceemr.2019.14](https://doi.org/10.17467/ceemr.2019.14).
20. Wendt J. A. Geografia historyczna w badaniach mniejszości węgierskiej w Rumunii // Kulesza M., red. *Geografia historyczna jako determinanta rozwoju nauk humanistycznych*. Legnica, 2009. S. 137–144.
21. Wendt J. A. Początki i rozwój gdańskiej geografii w wieloetnicznym Gdańsku // *Studia z Geografii Politycznej i Historycznej*. 2016. T. 5. S. 177–189.
22. Werner C. A., Emmelhainz C., Barcus H. Privileged Exclusion in Post-Soviet Kazakhstan: Ethnic Return Migration, Citizenship, and the Politics of (Not) Belonging // *Europe-Asia Studies*. 2017. Vol. 69, no. 10. P. 1557–1583. DOI: [10.1080/09668136.2017.1401042](https://doi.org/10.1080/09668136.2017.1401042).

Поступила 04.03.2021; одобрена 15.03.2021; принята 30.03.2021.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Г. Л. Поносов – магистрант кафедры географии и экологии Северо-Казахстанского университета имени Манаша Козыбаева, grag95skgu@mail.ru

П. С. Дмитриев – кандидат биологических наук, профессор кафедры географии и экологии Северо-Казахстанского университета имени Манаша Козыбаева, dmitriev_pavel@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2712-3508>

Т. Н. Лысакова – кандидат биологических наук, доцент кафедры географии и экологии Северо-Казахстанского университета имени Манаша Козыбаева, tanya.lyss@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1925-6570>

А. М. Носонов – доктор географических наук, профессор кафедры физической и социально-экономической географии Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, artno@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4719-0166>

Я. А. Вендт – доктор географических наук, профессор кафедры географии регионального развития Гданьского университета, jan.wendt@ug.edu.pl, <https://orcid.org/0000-0003-1712-4926>

Finno-Ugric peoples of the Republic of Kazakhstan: dynamics of the population, distribution, migration processes

Grigory L. Ponosov

Pavel S. Dmitriyev

Tatyana N. Lyssakova

*North Kazakhstan University named after Manash Kozybayev,
Petrovsk, Kazakhstan*

Arthur M. Nosonov

*National Research Mordovia State University,
Saransk, Russia*

Jan A. Wendt

*University of Gdansk,
Gdansk, Poland*

Introduction. The article attempts to analyze the dynamics of the number and features of the distribution of the Finno-Ugric peoples on the territory of Kazakhstan at the end of XX – beginning of XXI century.

Materials and Methods. The research is based on statistical data from the population censuses of Kazakhstan and the USSR in 1970–2009 and literature on this scientific topic. The study is based on comparative-historical, statistical and systematic approaches, which allowed us to reveal the dynamics of the ethnogeographic development of the Finno-Ugric peoples.

Results and Discussion. Thirteen Finno-Ugric peoples currently live on the territory of the Republic of Kazakhstan. Based on the analysis of the data of the last five population censuses, it assumes about the relationship between the number of ethnic groups and the number of peoples similar in language and culture, with the political situation in the country, social and cultural conditions. It considers the topic of settlement of the Finno-Ugric peoples in the regions of Kazakhstan.

Conclusion. The Finno-Ugric peoples living on the territory of Kazakhstan since the end of the XIX century, retain their connection with their historical homeland, cultural and ethnic identity. After the collapse of the of the Soviet Union, the majority of the Finno-Ugric peoples began to decline rapidly, due to the active outflow of the population to their ethnic homeland and to other CIS countries.

Keywords: geography of population, Finno-Ugric peoples, ethnic group, census, population, demographics

For citation: Ponosov GL, Dmitriyev PS, Lyssakova TN, Nosonov AM, Wendt JA. Finno-Ugric peoples of the Republic of Kazakhstan: dynamics of the population, distribution, migration processes. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2021;13;2:158–168. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.013.2021.02.158-168.

REFERENCES

1. Vladykin VE. Udmurts. Historical and ethnographic essay. Izhevsk; 2008. (In Russ.)
2. Koshman TV. Udmurts in Kazakhstan. *Religiia: sb. st. i materialov Mezhdunar. nauch. konf.* = Religion. Collection of articles and materials of the International Scientific Conference. Izhevsk; 2011:41–44. (In Russ.)
3. Koshman TV. Finno-Ugric peoples in Kazakhstan: based on the materials of the national population Census of 2009. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2013;2:34. (In Russ.)
4. Loginova NN, Nosonov AM, Esetov SK. Population dynamics of the Finno-Ugric peoples of Kazakhstan. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2014;1:107–114. (In Russ.)
5. Loginova NN, Nosonov AM, Shurr AV. Density and distribution of the Mordovian ethnic group in the regions of the Republic of Kazakhstan in the second half of the XX – beginning of the XXI century. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2015;2:67–69. (In Russ.)
6. Nemechkin VN. Finno-Ugric public diplomacy: theoretical, legal and practical aspects. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2017;3:67–68. (In Russ.)
7. Sadovskaia E. Kazakhstan in the Central Asian migration subsystem. *Postsovetskie transformatsii: otrazhenie v migratsiakh* = Post-

- Soviet transformations: reflection in migration. Moscow; 2009:279–321 (In Russ.)
8. Barcus H, Werner C. Immobility and the reimaginings of ethnic identity among Mongolian Kazakhs in the 21st century. *Europe-Asia Studies*. 2015;69:10:1565–1570. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.geoforum.2014.12.007>.
 9. Bonnenfant IK. Constructing the Homeland Kazakhstan's Discourse and Policies surrounding its Ethnic Return Migration Policy. *Central Asian Survey*. 2012;31;1:31–44. DOI: <https://doi.org/10.1080/02634937.2012.650004>.
 10. Bonnenfant IK. Ethnic Return Migration and Public Debate: The Case of Kazakhstan. *International Migration*. 2014;52;2:178–197. DOI: <https://doi.org/10.1111/imig.12055>.
 11. Cummings SN. The Kazakhs: Demographics, Diasporas, and Return. *Nations Abroad. Diasporic Politics and International Relations in the Former Soviet Union*. Colorado, Oxford, 2006:133–152. URL: <https://www.taylorfrancis.com/chapters/edit/10.4324/9780429498732-6/kazakhs-demographics-diasporas-return-sally-cummings> (accessed 04.03.2021).
 12. Damidov I. Reassessing classification of Kazakhstan's ethnic management model: A comparative approach. *Journal of Eurasian Studies*. 2020;11;2:133–143. DOI: <https://doi.org/10.1177/2F1879366520925337>.
 13. Dave B. Entitlement through Numbers: Nationality and Language Categories in the First Post-Soviet Census of Kazakhstan. *Nations and Nationalism*. 2004;10:439–459. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1354-5078.2004.00176.x>.
 14. Davenel YM, Yim E. Minority assimilation and nation-building in Kazakhstan. *Isaacs R., Poles A., eds. Nation-building and identity in the post-Soviet space: new tools and approaches*. London; New York, 2016:65–83.
 15. Diener A. Multi-Scalar Territorialization in Kazakhstan's Northern Borderland. *Geographical Review*. 2020;34;2:201–235. DOI: <https://doi.org/10.1080/00167428.2020.1814676>.
 16. Fierman W. Language and identity in Kazakhstan: Formulations in policy documents 1987–1997. *Communist and Post-communist studies*. 1998;31;2:171–186. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0967-067X\(98\)00005-1](https://doi.org/10.1016/S0967-067X(98)00005-1).
 17. Lee C. Languages and Ethnic Politics in Central Asia: The Case of Kazakhstan. *Journal of International and Area Studies*. 2004;11;1:101–116. URL: <http://www.jstor.org/stable/43107089> (accessed 04.03.2021).
 18. Mikołajec J, Wendt JA. Geograficzna sukcesja religii wielkiego stepu. *Nurt SVD*. 2017;51;2:388–402.
 19. Nowicka E. Kazakh Homecomings: Between Politics, Culture and Identity. *Central and Eastern European Migration Review*. 2020;9;2:109–123. DOI: 10.17467/ceemr.2019.14.
 20. Wendt JA. Geografia historyczna w badaniach mniejszości węgierskiej w Rumunii. Kulesza M., red. *Geografia historyczna jako determinanta rozwoju nauk humanistycznych*. Legnica, 2009:137–144.
 21. Wendt JA. Początki i rozwój gdańskiej geografii w wieloetnicznym Gdańsku. *Studia z Geografii Politycznej i Historycznej*. 2016;5:177–189.
 22. Werner CA, Emmelhainz C, Barcus H. Privileged Exclusion in Post-Soviet Kazakhstan: Ethnic Return Migration, Citizenship, and the Politics of (Not) Belonging. *Europe-Asia Studies*. 2017;69;10:1557–1583. DOI: <https://doi.org/10.1080/09668136.2017.1401042>.

Submitted 04.03.2021; reviewing 15.03.2021; accepted 30.03.2021.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

G. L. Ponosov – Master's Student, North Kazakhstan University named after Manash Kozybayev, grag95skgu@mail.ru

P. S. Dmitriyev – Candidate Sc. {Biology}, Professor, Department of Geography and Ecology, North Kazakhstan University named after Manash Kozybayev, dmitriev_pavel@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2712-3508>

T. N. Lyssakova – Candidate Sc. {Biology}, Associate Professor, Department of Geography and Ecology, North Kazakhstan University named after Manash Kozybayev, tanya.lyss@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1925-6570>

A. M. Nosonov – Doctor of Political Science, Professor, Department of Physical and Socio-Economic Geography, National Research Mordovia State University, artno@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4719-0166>

J. A. Wendt – Doctor of Geographical Sciences, Professor, Department of Regional Development Geography, University of Gdansk, jan.wendt@ug.edu.pl, <https://orcid.org/0000-0003-1712-4926>